

УДК: 504+ 338.483.11(21)

ЧЕЛОВЕК, ФЕНОМЕН ЛАНДШАФТА И ТУРИЗМ

Ковалёв А.П.

*Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина,
e-mail: a_kovalyov_p@mail.ru*

Рассмотрены вопросы, связанные с отношением в системе «человек – среда» в аспекте туристической деятельности как вида рекреации. Ландшафт определяется как организация рисунка дневной поверхности – паттерн, возникающий в сознании человека и влияющий на его поведение.

Ключевые слова: человек, ландшафт, туризм.

ВВЕДЕНИЕ

Рассматривая вопрос о среде, в которой реализуется рекреация вообще и туризм в частности, мы оказываемся в точке схождения двух сложнейших проблем – феномена человека и феномена ландшафта, понимание которых само по себе носит проблемный характер в силу их исключительной сложности, тем более когда речь идёт о их совместном рассмотрении. Это требует исследования сначала каждого из них в отдельности с попыткой ответить на вопросы: что есть Человек, затем – что есть феномен ландшафта, после чего попробовать свести их в некую интегральную форму с учётом того, что речь идёт о человеке, который вовлечён в туристический режим. Может оказаться, что мы с самого начала вынуждены будем исходить из их нераздельности. Попробуем проанализировать те поверхности пересечения феноменов человека и ландшафта, которые позволяют воспринимать ландшафт с совершенно разных точек зрения, что становится особенно важным в ходе туристической деятельности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Человек. Феномен человека: в чём его проблема? Его проблема в том, что он, являясь частью Природы, её порождением, в то же время противостоит ей, активно воздействует на неё, меняет её в соответствии со своими целями, которые, однако, следует связывать опять-таки с целями Природы. Но, как можно одновременно быть частью чего-либо, будучи генетически связанным с ним, и противостоять ему, познавать его, менять, входя с ним в противоречие и разрешая их, кем для этого надо быть? Оказывается, для этого следует быть Человеком. Человек – это отобранное качество, не имеющее места и даты рождения, поскольку феномен Человека содержит в себе всю историю становления Природы: он диахроничен по своей сути и содержит в себе всю Природу, поскольку является особой ветвью её становления. Это не есть нечто иное – *неприрода*, – это есть та же самая Природа, собравшая в

себе всё самое лучшее для того, чтобы выделить в своей собственной органике нечто особое, обладающее человеческими качествами – *человекостью* – особый орган, созданный Природой с целью *выявить своё собственное существование*. Вот почему, согласно В. Франклу [1], для того, чтобы прийти к себе, Человек должен пройти через мир, вот почему он не может познать себя – для этого он должен познать всю Природу во всех её проявлениях, включая духовность, поскольку Человек – это, прежде всего, дух [1]. Именно Человек, с помощью языка, делает выраженными значения, проявляет их как смыслы бытия, тем самым определяя его направленность, поскольку без него эта самая *направленность* теряется в себе. Язык – вот что подтверждает Человека, оказываясь в основе его культуры. Человек подвешен в языке, как говорил Нильс Бор, язык проговаривает человека, по выражению Мартина Хайдеггера [2]. Человек создан Природой с целью самопознания: бытие Природы проявляется через Человека, через его культуру, которая столь же естественна, сколь и всё, так сказать, нечеловеческое. Это значит, что антропоцентрическая точка зрения, согласно которой человеческий мозг принадлежит ему как индивиду, должна быть изменена: организмом человеческого мозга оказывается вся Вселенная. Именно в этом состоит причина стремления Человека познать Природу до конца: он познаёт себя путём *очеловечивания* Мира. Но это очеловечивание протекает через противостояние Природе, её преобразование, окультуривание, создание своей среды обитания, носящей гораздо более регулярный характер – среды, в которой только и могла зародиться, а затем развиваться Мысль. Человечество, таким образом, есть среда, в которой живёт Мысль – та самая Мысль, которая, зацепившись за Слово, вошла в режим рефлексии, чтобы сделать возможным отбор и закрепление устойчивых паттернов культуры. Однако эта самая выделенность как раз и вводит Человека – дитя Дикой Природы – в уныние. Человек оказывается сплетением разных стадий становления, которые противоречат другу и другу, делая его внутренне противоречивым, неустоявшимся, но в нём они должны найти своё согласие. Цивилизованному человеку не хватает дикости, буйства разнообразия, неповторимости, неожиданностей..., с которыми он сталкивался в своём детстве и юности: рождённый Дикой Природой, он содержит её внутри себя, требуя постоянной подпитки этой самой дикостью (в позитивном смысле слова). Возможно, эта внутренняя потребность и вела к тому принципу, которым руководствовались китайские художники: войти в пейзаж и раствориться в нём. Но однажды, проснувшись, Человек обнаружил себя вне этой самой Дикой Природы – в некой иной среде, – человеческой, культурной, языковой, мысленной, в которой мысль была уже оторвана от вещей, что как раз и позволяло эти вещи изменять. Так слепое творчество Дикой Природы находит своё продолжение и развитие в человеческой мысли. Мыслить – значит стремиться к пониманию, но понимание – это всегда изменение, которое не контролируется этой самой мыслью: оно всегда носит спонтанный характер. Для того, чтобы познавать и понимать Мир и себя как его часть, нужно одновременно пребывать и внутри Мира, и вне него. Это и есть главная проблема *Человека в Мире*: оказавшись в окультуренной, очищенной среде, отталкивая от себя Дикую Природу, подавляя её «могуществом» своего разума, редуцируя её путём различения «полезных» и «вредных» свойств и качеств, Человек

вдруг столкнулся с проблемой смысла своего существования, поскольку редукция Природы есть ни что иное, как редукция и отмена самого Человека. Вот почему Человек и Дикая Природа образуют комплементарное единство, а включённость в общую систему вызывает потребность в пребывании с Природой в максимально плотном контакте, без длительных перерывов.

Феномен ландшафта. В отличие от сложившейся в советской географии традиции (в которой преобладают взгляды Л.С. Берга), основанной на видении ландшафта как вещественной сущности, представленной географическим комплексом, я исхожу из понимания ландшафта, основанного на этимологии этой лексемы – как некоего образа, паттерна, «лица» местности – части дневной поверхности, выделяемой субъектом на основании структурной завершенности и смысловой полноты, хотя это совсем не означает, что сама, так сказать, вещественная основа здесь исключается. Именно она – определённым образом организованная **физическая дневная поверхность**, воспринимаемая как рисунок, мозаика, орнамент, композиция..., – служит основой для выделения местностей, которые, с точки зрения субъекта, дают основание сформировать их паттерны – более-менее завершенные, целостные образы. Причём такие паттерны и соответствующие им местности, во-первых, не могут быть расчленены на какие-то более мелкие подразделения (если не говорить о выделении внутри них других местностей и их паттернов), как бы их не называли, во-вторых, они не привязаны к какому-то одному пространственному масштабу, т. е. могут выделяться субъектом на самых разных масштабных уровнях. При таком рассмотрении на первое место выходит представление об **организации рисунка дневной поверхности** [3]. Отмечу, что обычные люди, не интересующиеся научной терминологией в области географии (а это – абсолютное большинство туристов), явно воспринимают ландшафты совсем не как геокомплексы: их привлекают **виды**, а не сочетания каких-то там компонентов. Близким по смыслу является термин «рельеф», соответствующий феномену явно не материальной природы, который, как понятие, следует рассматривать как образ, организацию поля высот/глубин, конфигурацию (топографический ландшафт) поверхности некоторой местности, который интегрируется в общий ландшафт. Отмечу важный факт: *мы не ходим ни по рельефу, ни по ландшафту, мы движемся по физической (дневной) поверхности, структура которой может выглядеть более или менее сложной, более или менее эстетичной и информативной.* То же самое касается тех преобразований, которые мы совершаем на местности: строя что-либо, мы изменяем структуру дневной поверхности, что ведёт к изменению вида местности. Вот почему мы можем сначала спроектировать изменения, а затем их реализовать: *проект – результат мысленного преобразования некоего объекта, имеющего физическую природу.* Изменить ландшафт – значит изменить структуру дневной поверхности, создав некую инфраструктуру, направленную на реализацию новых функций, не иначе.

Отмечу, что уже сам рисунок не является материальным феноменом, представляя собой совокупность организованных в пространстве линейно-пластических элементов, сочетания пятен разного цвета и формы. Понятно, что именно эта организованность требует от субъекта воспринимать его в контексте

движения: то, что мы видим в данный момент, есть вынужденная остановка такого движения, непрерывного изменения. Организация – это не пространственная категория, но реализуется в пространстве: она есть выражение тотальности рисунка как внешнего выражения нерасчлененного движения, континуальности того, что его формирует, некоего связующего паттерна, как и того, кто его воспринимает. На онтологическом уровне «организатором» рисунка выступает *геосистема* – интегральное действие как организация множества элементарных процессов, в разных конкретных условиях представленная различными режимами. В таком случае дневная поверхность выполняет функцию *монитора*, на котором, как на экране, геосистема выражает своё упорядочивающее действие с помощью *языка дневной поверхности*, пишет текст, вышивает. Это – особая система кодирования, которая «ведёт передачу» для субъекта/наблюдателя, визуализируя геосистемный режим, используя организацию его действия как сигналы. Это значит, что, с точки зрения специалиста, «видение ландшафта» есть не что иное, как видение той динамической основы, которая его, так сказать, «подстиляет». Но язык предполагает наличие более-менее устойчивых алфавита «буквенных» символов, словаря – «словесных» символов, лексем, в качестве которых выступают относительно однородные и воспроизводимые с достаточно большой вероятностью части поверхности – *морфотипы* (land cover / land use) и грамматики – правил сочетания слов в предложениях. Составные части – морфотипы – возникают как некие непроектируемые элементы, из которых затем склеиваются различные мозаики и орнаменты дневной поверхности. Каждый такой морфотип являет собой некое проросшее из неупорядоченности и сорганизовавшееся единство, выделяемое нами на основе морфологических признаков как некая *регулярность*. Это – морфологический, лучше – *морфодинамический аттрактор*. Вся же система их появления/исчезновения может рассматриваться как ризома¹ в представлении Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Из субстратного «месива» земной поверхности как своего рода «субстратного вакуума» (в ландшафтной экологии такая ситуация именуется «нулевым ландшафтом»), благодаря *геосистемному возмущению*, начинает проявляться некий упорядоченный рисунок в виде сочетания пятен разной формы, размеров и типов «покрытия», становление которого происходит в состязании с его разрушением, размыванием под действием дезорганизующих сил. Сами морфотипы тоже меняются, растворяются в границах между типами, соответственно, меняется и

---

¹ Ризома – корневая система, не обладающая четкой структурой главного и боковых корней – понятие, введенное Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в книге «Ризома» (1974) в противовес термину «структура» как строго систематизированному и иерархически упорядочивающему принципу организации природных, социальных, научно-логических и культурных явлений, понятие философии постмодерна, фиксирующее принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования; нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования (<http://ec-dejavu.ru/r/Rizoma.html>. – 2.06.2010).

алфавит, который характеризуется *текучестью*. Отсутствие дифференциации, различий означает и отсутствие рисунка, а, значит, и его организации – ландшафта. Следовательно, есть некий *генератор рисунков/текстов*, продуцирующий их из возникающих и исчезающих фрагментов и постоянно их перемешивающий. В таком перемешивании надо выявить некий порядок – геосистемный режим.

Исходя из такого понимания, ландшафт уподобляется голограмме, которую каждый субъект воспринимает со своей точки зрения. Этот момент особенно важен: то, что мы называем *ландшафтом*, есть только *образ*, возникающий благодаря упорядочивающему действию сигналов как внешнего стимула на неустойчивые ассоциации/воображения, ожидания, основанные на опыте. Это – группирование, соподчинение, *наведение* порядка, остановка мерцания, сведение неопределённости/разнообразия к большей определённости, предполагающей проявление некоторого *значения*, смысла, важного для данного субъекта или группы субъектов, и уж точно не абсолютного. Речь идёт о формировании *прегнантной* (термин, которым пользовались немецкие гештальтпсихологи) – “хорошей”, “простой”, “стабильной”, “внутренне непротиворечивой” перцептивной организации [4], своего рода хорошего «перцептивного ландшафта», как этот эффект называет Р. Арнхейм [5]: сначала возникает именно перцептивный ландшафт, в котором разные области образа получают разный вес, разную значимость, который, как матрица, накладывается на видимую поверхность, упорядочивая её. Структура матрицы будет определяться рядом моментов, обусловленных жизненным опытом реципиента. Малыш, появившись на свет, сразу оказывается помещённым в некоторую среду, которую он начинает постепенно воспринимать благодаря тем различиям, которые он в состоянии выявить, а затем определённым образом организовать в некие паттерны, являющиеся основой формирования его представлений о мире. Это – ситуативные сцены. Именно это следует иметь в виду: всё, что мы можем познать, связано с различием, и каждое новое различие человек производит с помощью другого различия. Благодаря этому, взрослея, мы постепенно структурируем среду, в которую помещены, делаем её всё более понятной и предсказуемой. При этом человек всегда стремился создать «смысловой ландшафт», который обеспечивал ему психическое равновесие со средой. Отсюда – и анимистическое видение, при котором всё оживляется, одухотворяется, становится *Миром для жизни*. Форма как нечто организованное, начинает играть определяющую роль в мирозерцании.

Понятно, что эти различённые элементы могут подразделяться по их значимости в выражении сути отображаемого, точнее – в их значении. Вопрос стоит именно так: формирование паттерна – это, прежде всего, формирование значения, смысла, без которых всё осталось бы бессюжетной мозаикой простых разноцветных масс/пятен. Поэтому среди элементов рисунка всегда можно выделить доминирующие, определяющие главные особенности сюжета, что позволяет говорить о *минимальном ландшафте* как *организации доминирующих элементов рисунка*. Именно основные структурные линии рисунка создают основу образа, который затем заполняется иными составляющими, в том числе цветовыми массами,

на которые накладываются смысловые образы. Они, будучи наложенными, начинают определять характер воспринимаемого сюжета.

Это касается как паттернов конкретных местностей (например, Приэльбрусье, Сенатскую площадь в Санкт-Петербурге...), которые мы, увидев, запоминаем, так и типов абстрактных паттернов, связанных с генетическими классификациями – гляциальные, флювиальные, селитебные, горные, равнинные и т.п. Могут быть и другие варианты членения, связанные с другими дихотомиями, например, дикие/естественные – преобразованные, в том числе культурные – бескультурные, эстетичные – неэстетичные и т. п. Думаю, они, накладываясь на доминантные составляющие рисунка, и формируют смысловое насыщение паттерна. Вот почему ландшафт, как организация рисунка, не может быть разложен на части и измерен, то есть, изучен с позиций, принятых в классической науке: различия между паттернами являются не количественными, а качественными, а их восприятие носит выраженный феноменологический характер. Поэтому научной формой их отображения является, прежде всего, топология.

Итак, мы приходим к выводу, что феномен ландшафта есть продукт взаимодействия организации дневной поверхности, созданной геосистемным действием, и субъекта, придающего ему ту окончательную форму, которую мы используем либо в качестве информатора/ориентира, либо как источник информации для исследования режимов геосистемы и их изменений, либо невольно проецируем сформированный перцептивный план, в лучшем случае, на эстетические, сакральные/анимистические и сентиментальные «плоскости» нашего сознания, в худшем – на прагматические/меркантильные «плоскости», когда в нём видят некий ресурс для получения прибыли. Этот последний аспект, к сожалению, часто оказывается ведущим в организации туристической деятельности. Но он ведёт к колоссальной редукции проблемы отношения человека и его окружения.

Человек отделён от мира поверхностью организованной субъективности и мир выступает для него как нечто «чужое», «внешнее». Мы воспринимаем дневную поверхность, прежде всего, как целое, основываясь на ощущениях и нашем опыте, нашем понимании и чувстве полноты, то есть чувственный образ суть явление его сознания. Мы выявляем различия, различие же нематериально, но оно – в материи. Ж. Делёз [6, с. 265] ставит вопрос: «Каково бытие чувственного? Исходя из условий этого вопроса, ответ должен обозначить парадоксальное существование «чего-то», что одновременно нельзя ощутить (с точки зрения эмпирического применения) и можно лишь ощутить (с точки зрения трансцендентного применения)». И далее: «Причина чувственного, условие возникающего – не пространство и время, но Неравное в себе, разрознивание, как оно понимается и определяется в различии интенсивности, в интенсивности как различии» [6, с. 271]. Это очень интересная мысль: именно интенсивность создаёт пространства и качества, в которых она объясняется. Интенсивность является нам уже развёрнутой в пространстве и наделённой разными качествами, а качества – это знаки, вспыхивающие на контактах различий. «Отсюда свойственная нам тенденция рассматривать интенсивное количество как эмпирический, да еще и плохо обоснованный концепт,

нечистую смесь чувственного качества и пространства, или даже физического качества и экстенсивного количества» [6, с. 272].

Ландшафт, с точки зрения человека – это *организация различий, которые он может воспринять, форма проявления пространства дневной поверхности*. Поверхность – место рождения событий, дневная поверхность – тем более. «Именно следуя границе, огибающая поверхность, мы переходим от тел к бестелесному» [7, с. 25-26]. «Здесь события – радикально отличающиеся от вещей – наблюдаются уже не в глубине, а на поверхности, в тусклом бестелесном тумане, исходящем от тел, – пленка без объема, окутывающая их, зеркало, отражающее их, шахматная доска, на которой они расставлены согласно некоему плану» [7, с. 26]. Ландшафт как развёрнутая глубина – категория универсальная, но для того, чтобы проявиться, он должен, так сказать, индивидуализироваться. Часто отмечают ту расплывчатую границу неопределённости, которой пользуется индивид, и относительный, изменчивый, текучий характер самой индивидуальности. От чётких границ, разделяющих тела, ничего не остаётся. А воспринимающий человек – он всегда индивид. Следует говорить о, своего рода, поле индивидуации, которое формируется глубиной, проявляющейся через интенсивности. «Мы знаем, что восприятие или перцепция имеют онтологический аспект как раз в свойственных им синтезах, ввиду того, что может быть только осязательно, воспринято» [6, с. 280]. «Созерцать – значит выманывать. Это всегда нечто другое, это – вода, ..., леса, которые следует сначала созерцать, чтобы наполниться образом самого себя» [6, с. 100]. Глубина сущностно включена в перцепцию пространства: о глубине и расстоянии судят не по видимой величине объектов – сама глубина таит в себе расстояния, которые в свою очередь выражаются в видимых величинах и разворачиваются в пространстве. К тому же глубина и расстояния в состоянии импlications фундаментально связаны с интенсивностью ощущения: осязательная сила деградации интенсивности воспринимается как глубина (или, скорее, она обеспечивает глубину восприятия). Интенсивность, дистанция, которая упаковывает, выражается в пространстве, а пространство распаковывает, экстериоризирует и гомогенизирует сами эти дистанции [6].

Близким к восприятию ландшафта является восприятие «культурных миров» как автономных систем ценностей и идей, определяющих тип социальной организации – полей, «транслирующих» свои проявления, связующих паттернов, детерминирующих культурные традиции населения разных стран, объединяющих их в целостности, отражая тем самым вписанность их культуры в структуру дневной поверхности той или иной страны/местности. Именно по этой причине я говорю о *ландшафтности этноса* и *этничности ландшафта* [3]. В этом плане совершенно замечательными являются описания выдающегося искусствоведа и философа И. Тэна, который писал: «Посейте несколько зёрен одного и того же растительного вида в разные почвы и под разными температурами; дайте им приняться, подрасти, принести плод, воспроизвестись бесконечное число раз каждому в своей местности; любое зерно приурочится к своей почве, и у вас выйдет несколько подвидов одного и того же вида, тем более различных, чем сильнее противоположности климатов. Такова история германского племени в Нидерландах; тысячелетнее жительство сделало там своё дело; к концу средневековья

мы находим в этом племени, сверх врождённого характера, и характер приобретенный, нажитой» [8, с. 128]. Он же создавал замечательные литературные образы различных стран, особенно тот образ Голландии, который, после прочтения, действительно позволяет представить себе сложнейшее сочетание природных условий и культурных особенностей этой страны с её частыми дождями, обширными пастбищами и пасущимися на них коровами, городами, застроенными домами с красными черепичными крышами и т.п. Приведу фрагмент текста: «Существенный характер этой страны заключается в том, что она образовалась посредством намывов, или *намосов*, т. е. больших осадков земли, которые уносятся реками и скопляются близ их устьев. Из этого одного слова проистекает бесконечное множество частных, составляющих весь жизненный быт страны, не только её физический наружный вид и то, что она есть сама по себе, но также общий склад ума, нравственные и физические качества жителей и их произведения. во-первых, в неодушевлённой природе – сырые и плодоносные равнины.» [8, с. 24].

Контакт человека с дневной поверхностью оказывается очень сложным, особенно если учесть эффект синестезии – взаимодействия разных чувственных форм. Сам контакт – это тоже поверхность, которая может быть грубой, простой, или сложной, связывающей все стороны восприятия. В итоге, чувственный образ выступает как символ, коррелят – отражение *онтоландшафта* как кантовской «вещи в себе», как представленность внешнего во внутреннем мире индивида. Существенную роль в этом процессе играют величины порогов чувствительности и опыт, что определяет нижнюю границу выявления незначительных различий. Именно на этом уровне мы часто оказываемся в ситуации неопределённости, связанной с нечёткостью, в том числе относительно характера различий (это шум или что-то значимое), их генезису, поскольку общая апперцепция воспринятого одновременно и ясна, и неясна – мелкие ощущения, составляющие её, сами неясны и невыразительны. Они выразительны как схватывающие дифференциальные связи и особенности поверхности, и в то же время невыразительны как пока ещё не «различенные», и эти особенности собираются, определяя порог узнавания и понимания, соотносённый с особенностями нашего тела, как порог различения, исходя из которого актуализируются мелкие восприятия, совершающиеся в процессе апперцепции. Неизменность и изменчивость стремятся к примирению, поскольку движение идёт не от общего к частному, а от возможного к его актуализации через определяющую её индивидуацию.

Богатством вариантов восприятия определяется морфолого-эстетический потенциал поверхности, включающий и такие формы восприятия, как эстетическая, сакральная, анимистическая, топофилийная и т.п., поскольку материя действительно заселена душами (иначе могла ли духовность человека появиться в бездуховной природе?). Чем сложнее, богаче поверхность контакта, тем источником большего количества имплицитных ценностей она является. Их наличие позволяет оценивать комплексность, сложность системы «человек – среда» в целом, включая самого человека, его способность эти ценности выявлять.

Мы начинаем понимать, что феномен ландшафта, каким он является для человека, воспринятого на интуитивном уровне, а затем осознанного, неразделим с

самим человеком, его жизненным опытом, образованностью, общей культурой и теми целями, которые он ставит перед собой. Сам по себе этот феномен – как онтоландшафт – всего только организация множества отношений между поверхностями вещей, которые представляют их вовне. Эти отношения не принадлежат самим вещам – они никаким образом не локализируются, вещи погружены в них. Это означает, что, в отличие от самих вещей, такие отношения в виде различий не могут быть формализованы, что выводит ландшафт из категории тех объектов, которые можно рассматривать на материально-механистической основе с целью моделирования. Тем более нельзя так подходить к системе «человек – ландшафт», поскольку сам феномен человека содержит такие составляющие, которым принципиально нельзя придать какую-то меру и которые не поддаются формализации. Здесь возникает, так сказать, *человекомерность*, предполагающая существование разных форм контакта человека с миром. К тому же дневная поверхность проступает одновременно как образ и эмоция, точнее, образ (паттерн), заряженный эмоцией как некоей психической энергией. Он динамичен, наполнен жизненностью и через эмоции связан с живым человеком. Вот и получается, что в отношении «человек – ландшафт» проявляется сама жизнь, что как раз и не позволяет дать ему универсальную интерпретацию.

Человек в контексте туризма. «Люди идут по свету, им вроде б немного надо...» – эти слова известной песни концентрируют в себе глубокий смысл. «Странствовать – это, прежде всего, менять тело», заметил Антуан де Сент-Экзюпери [9, с. 73], то самое тело, которое, как писал Морис Мерло-Понти [10], служит человеку проводником в мир. Схема тела – животного, человека, – предназначена для того, чтобы познавать и осваивать окружающий мир, вписываться в него. Именно она определяет специфику экологической ситуации того или иного вида, на что в своё время обратил внимание Дж. Гибсон [11]. Странствуя, мы меняем себя, каждый раз вынужденные сбрасывать с себя закостенелость. Так жил и продолжает жить номад. Туризм же можно рассматривать как *память тела о кочевничестве*. Человек, живущий в неизменной обстановке, становится ущербным. Он перестаёт замечать своё окружение, поскольку он слит с ним в единое целое. Изю дня в день те же улицы, те же дома, квартира или дом, предприятие – всё это перестаёт восприниматься как среда и становится частью тебя. Здесь почти не бывает чего-то нового и из этого режима очень трудно выйти: всё новое начинает пугать. Особенно это характерно для жителей города – представителей так называемой «асфальтовой цивилизации». Конечно, асфальтовые покрытия – это хорошо, это способствует ускорению темпа жизни, но, с другой стороны, это «упаковывает» человека в искусственный мир города, который сам требует постоянного воспроизведения. Это грозит остановкой развития, коллапсом. Так что, вопрос не только в смене обстановки – он гораздо глубже. Но изменение представления о мире – процесс сложный, это фазовый переход, происходящий в когнитивной системе человека. Он требует не только изменения представлений, но и изменения отношения к миру, изменения структуры поведения. Готов ли современный турист к такому повороту событий?

Чаще всего туристические группы составлены из жителей крупных городов, ещё хуже – столичной публики. Такой контингент познаёт быт и культуру местного

населения, покупая на рынке ручную продукцию местных жителей – поделки. Это и становится основой представлений о народе, его культуре, связи с теми ландшафтами, которые служат для них средой их жизни. Чем больше различие между жизненными режимами местных жителей и приезжих, тем сильнее различаются их ментальности, тем меньше вероятность пройти через оболочку поверхностной коммуникации и погрузиться в область глубинных смыслов, за которыми – действительно понимание, тем выше коммуникативный водораздел. Отсюда вытекает важность феномена коммуникации в туристических режимах. Всегда будет стоять вопрос: какова часть тех, кто действительно хочет пройти барьер коммуникации, слиться на время с иной культурной формой, преодолев внутреннюю ограниченность, обусловленную собственной жизненной формой. От этого зависит и *впечатление* о туристическом туре, которое в своей основе имеет неожиданность, рассогласованность между ожиданием как внутренней моделью, основанной на опыте и полученной информации, и той «реальностью», с которой реципиент встретился.

Итак, впечатление возникает как следствие неожиданности, которая, в свою очередь, является проявлением несогласованности между предварительным образом/представлением и тем, с чем субъект сталкивается на самом деле. Речь идёт о встрече с новым языком, ранее неизвестным. Как мы не понимаем язык аборигенов (в широком смысле, включая поведение, традиции), так мы не понимаем и среду их обитания, с которой они слиты и через которую как раз и происходит трансляция их культурного паттерна, неотделимого от их жизненной среды. Ведь иной мир – это не наши единовременные впечатления, сотканые из «точечных» случайных контактов-соприкосновений, он имеет свою собственную протяжённость-длительность, сложность и насыщенность, он обнаруживает в себе диахронику, позволяющую прочувствовать движение, что предполагает существование некоторого характерного времени всматривания и «вчувствования», развёртывания коммуникации на основе *эмпатии*, требующей максимально плотного контакта с новым миром. Слово "чувство" обозначает проявление соотнесённости души с окружающим миром, что имеет особое значение в эстетике – "чувство красоты". Близким является и слово «переживание». *Чувствует и переживает тот, кто на это способен.*

Проблема современного туризма: для чего я еду? Что я предполагаю увидеть, и как это может повлиять на моё представление о мире? Есть нечто, что заставляет сдвинуться в сторону неизвестного. Предположим, я хочу познакомиться с какой-либо страной, поскольку в соответствии с моими представлениями, там красивая природа и интересная культура. Но чаще всего человек попадает в искусственно созданный мир, который очень мало согласуется с его ассоциациями: это тот мир, который приготовлен туристам так называемым туристическим бизнесом. В результате мы имеем пропасть между реципиентом и новым миром, к которому он не адаптирован. Контакт с дикой природой заменён благоустроенными отелями и гостиницами, иногда – с видом на природу. Но разве это плохо? А дело в том, что знакомство с природой и культурой страны не может происходить из окна гостиницы, автобуса или какого-либо иного транспортного средства. Оно должно

обеспечиваться путём установления тесного контакта, пребывания/проживания в данной культурной среде, в противном случае всё превращается в мероприятие, связанное с тратой денег, которые с тем же успехом, только в меньшем количестве, можно потратить и дома. В значительной степени эта проблема решается такой формой отдыха, как «зелёный туризм» в его наиболее развёрнутой форме – соучастия в сельской жизни, вовлечённости в бытийность селян, включая труд, язык, традиции... – максимального сплетения с их бытием. Вот в такой обстановке рекреант действительно впитывает себя в новую форму бытия и начинает иначе воспринимать мир Природы и новую для него культуру, получая возможность лучше понять свою культуру и отдыхая от регулярности обыденного труда. Это же касается и пеших маршрутов: те пейзажи, которые раньше горожанин воспринимал без проникновения в их «изнанку», теперь видятся иначе, это уже иной, но понятный мир, в постижении которого теперь принимает участие движущееся тело. Могут иметь место и иные формы отдыха, если, конечно, отдых рассматривать не как безделье, а как смену вида деятельности.

Почему это так? Вспомним опять Антуана де Сент-Экзюпери – мастера описания отношений человека и ландшафта, у которого ландшафты приобретают оттенки, связанные с эмоциями, ожиданиями, настроением... Ландшафт – это не картинка, созданная художницей-Природой путём размещения в пространстве местности конфигураций и цветовых масс, ландшафт наполнен теми силами, которые создали и постоянно воспроизводят некие *внутренние силы композиции* и пространственные планы дневной поверхности. Они включают и местных жителей, их колорит, если местность обжита и её образ, соответственно, насыщен архетипами. Картинкой ландшафт останется для тех, кого завезли на автобусе и подняли на подъёмнике. В этом – одна из основных проблем. Мне приходилось видеть таких «туристов» в Приэльбрусье: их привозили на автобусах из района Пятигорья, выгружали в мир пейзажей, шашлыков и дешёвого вина, который, однако, оставался в значительной степени асфальтовым. Эти люди были чужими для гор, а горы были чужими для них. Между ними не было и не могло возникнуть *сродства*. Полное отсутствие адаптированности, возможности (в силу физической и психической неподготовленности) и желания двигаться в вертикальном направлении своими ногами – вот образ такого «рекреанта». Ещё хуже дело обстоит с рекреацией в лесопарковых зонах городов: здесь «любители природы» вкатывают в квазиестественную среду на автомобилях, громко включают магнитофоны, после чего от пения птиц и шелеста листвы ничего не остаётся: галдящая, замусоривающая обывательская публика, не более того, заполняющая лес, берега рек отходами своего пребывания – пластиковой посудой. Они не «идут по свету...» и им совсем ничего не надо... Главное, им не надо идти и видеть! Таким никогда не понять, что значит быть сваном, балкарцем, гуцулом или шерпом... Они не сочленимы с этим миром никакими своими поверхностями, кроме органов пищеварения, в лучшем случае – заостренного тела, которое не наполнено движением, поскольку в восприятии окружающего оно участия не принимает, и прагматического, лишённого следов художественной совести зрения, отыскивающего пока ещё чистую полянку. Думаю, с этим же мы сталкиваемся в

Крыму и Карпатах. Тот же, кто поднялся сам, смог увидеть замечательную смену масштабов местности, о которой ещё в конце XIX-го столетия так великолепно писал Д.Л. Иванов [12] в своих заметках о восхождении на Эльбрус, будет совершенно иначе воспринимать увиденное. Несомненно, это именно то, что ощущают горные туристы, и уж тем более альпинисты. Всё берётся в отношении. При этом, глядя на местность, каждый видит её по-своему, в, так сказать, своём контексте. Вот почему ландшафт неисчерпаем: он рождается как образ местности, насыщенный нюансами восприятия каждого индивида – его желанием увидеть нечто, его опытом и возможностью видеть нечто, его культурой и отношением к природе: всё определяется человеком, его менталитетом.

ВЫВОДЫ

Анализ вопросов, рассмотренных в статье, показал следующее: 1) Человек есть особое существо, способное познавать окружающий мир, который, при ближайшем рассмотрении, оказывается только частью организма его мозга; 2) ландшафт – это сложный феномен, определяемый как организация рисунка дневной поверхности, множества выделяемых реципиентом различий, на основе которых формируется некий паттерн местности – ландшафтообразующей части дневной поверхности, который может рассматриваться с научной, эстетической, сакральной, прагматической и других точек зрения: здесь всё зависит от степени развитости индивида; 3) обнаружилось, что тяга к туризму имеет глубинные корни, в ходе реализации туристической деятельности человек меняет своё тело, становится более мобильным; 4) практика туризма должна иметь гуманитарную функцию, хотя на современном этапе преобладает бизнес.

Список литературы

1. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл ; [Пер. с англ. и нем., под общей ред. Л.Я. Грозмана и Д.А. Леонтьева]. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
2. Хайдеггер М. Язык / М. Хайдеггер ; [Пер. с нем. и примечания Б.В. Маркова]. – С.-Петербург: Эйдос, 1991. – 20 с.
3. Ковалёв А.П. Ландшафт сам по себе и для человека / А.П. Ковалёв. – Харьков: «Бурун Книга», 2009. – 928 с.
4. Рок И. Введение в зрительное восприятие. В двух книгах. Книга 1 / И. Рок ; [Пер. с англ./ Под ред. Б.М. Величковского, В.П. Зинченко]. – М.: Педагогика, 1980. – 312 с.
5. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм ; [Пер. с англ. В.Н. Самохина, под редакцией В.П. Шестакова]. – М.: Прогресс, 1974. – 392 с.
6. Делёз Ж. Различение и повторение / Ж. Делёз ; [Пер. с франц. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровского, под ред. Н.Б. Маньковской]. – С.-Петербург: ТТО ТК «Петрополис», 1998. – 383 с.
7. Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum pliiosophicum* / Ж. Делёз ; [Пер. с франц. Я.Я Свирского]. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга» 1998. – 473 с
8. Тэн И. Философия искусства / И. Тэн ; [Пер. с франц., под общ. ред. А.М. Микиши]. – М.: Республика, 1996. – 351 с.
9. Сент-Экзюпери А. де. Южный почтовый / Планета людей / Антуан де Сент-Экзюпери; [Пер. с фр.]. – Кишинёв: Карта молдовеняскэ. – 1973 – С. 23-88.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; [Пер. с франц. и под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина]. – С.-Петербург: Ювента», «Наука». 1999. – 606 с.

11. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон ; [Пер. с англ. Т.М. Сокольской, под ред. А.Д. Логвиненко]. – М.: Прогресс, 1988. – 464.
12. Иванов Д.Л. Восхождение на Эльбрус / Д.Л. Иванов // Известия Императорского русского Географического Общества. – 1884. – Т. XX, вып. 5. – С. 474-496.

Ковальов О.П. Людина, феномен ландшафту і туризм / О.П. Ковальов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Серія: Географія. – 2011. – Т.24 (63), №1. – С.186-198.

Розглянуті питання, що пов'язані з відношенням у системі «людина – середовище» в аспекті туристичної діяльності як виду рекреації. Ландшафт визначається як організація рисунку денної поверхні – патерн, що виникає у свідомості людини і впливає на його поведінку.

Ключові слова: людина, ландшафт, туризм.

Kovalyov A.P. A Man, Landscape phenomenon and Tourism / A.P. Kovalyov // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. – Series: Geography. – 2011. – V.24 (63), No1. – P.186-198.

Some questions are spoken about relationship in the system «man – environment» in the aspect of tourist active as the recreation variant. A landscape is defined as a daytime surface organization – a pattern, appearing in the mind of a man and influencing on his behavior.

Key words: man, landscape, tourism.

Поступила в редакцію 30.03.2011 г.